

УДК 1:316+004.8

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-222-234><https://elibrary.ru/yimbbl>

Поступила: 08.05.2026

Принята: 11.06.2026

Опубликована: 03.07.2026

ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Санникова Елена Андреевна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь)

Внутских Александр Юрьевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь),

Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь)

В статье представлен социально-философский анализ фундаментального противоречия, складывающегося между декларируемыми идеалами внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в политическую деятельность и реальным, во многом стихийным процессом цифровизации данной сферы. Актуальность исследования обусловлена тем, что технологии ИИ все активнее проникают в область государственного управления, избирательных процессов, политической коммуникации и стратегического планирования, однако теоретическое осмысление этих трансформаций существенно отстает от практики. На основе реконструкции и критического анализа ключевых современных исследовательских подходов — технократического, социально-критического и нормативно-этического — выявляется значительный теоретический вакуум как в концептуальном осмыслении самого процесса алгоритмизации политики, так и в практике формирования соответствующих правовых и этических норм. Показано, что цифровизация политических институтов, в частности внедрение инструментов ИИ в процессы принятия управленческих решений, в настоящее время осуществляется преимущественно стихийно и бессистемно, при отсутствии целостной социально-философской рефлексии о ее целях, границах и последствиях. Формирующиеся нормы внедрения ИИ носят преимущественно реактивный, «догоняющий» характер и определяются скорее технологической логикой, нежели ценностными ориентирами современного управления. Гипотеза исследования подразумевает возможность и необходимость формирования более человекомерной, гуманистически-ориентированной модели цифровой политики, в которой технологии служат не замене человеческого суждения, а его поддержке и развитию.

Ключевые слова: искусственный интеллект, политическая деятельность, цифровое государство, социальная и политическая философия, идеалы, нормы, технократия, демократия.

Для цитирования:

Санникова Е.А., Внутских А.Ю. Внедрение искусственного интеллекта в политическую деятельность: постановка проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 2. С. 222–234.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-222-234>. EDN: YIMBBL

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IMPLEMENTATION IN POLITICAL ACTIVITY: PROBLEM STATEMENT

Elena A. Sannikiva

Perm National Research Polytechnic University (Perm)

Alexander Yu. Vnutskikh

Perm State University (Perm),

Perm National Research Polytechnic University (Perm)

The article presents a social-philosophical analysis of the fundamental contradiction between the declared ideals of artificial intelligence (AI) integration into political activity and the actual, largely spontaneous process of digitalization in this sphere. The relevance of the study is driven by the fact that AI technologies are increasingly penetrating the domains of public administration, electoral processes, political communication, and strategic planning — yet the theoretical understanding of these transformations lags significantly behind practice. Through the reconstruction and critical analysis of key contemporary research approaches — technocratic, socio-critical, and normative-ethical — a substantial theoretical vacuum is identified both in the conceptual understanding of the algorithmization of politics itself and in the development of corresponding legal and ethical frameworks. It is shown that the digitalization of political institutions, and in particular the introduction of AI tools into managerial decision-making processes, is currently carried out in a predominantly spontaneous and unsystematic manner, in the absence of coherent social-philosophical reflection on its goals, boundaries, and consequences. The emerging norms governing AI implementation are largely reactive and “catch-up” in nature, shaped more by technological logic than by the value orientations of contemporary governance. The research hypothesis posits the possibility and necessity of developing a more human-dimensional, humanistically oriented model of digital politics — one in which technologies serve not to replace human judgment, but to support and enhance it.

Keywords: artificial intelligence, political activity, digital state, social and political philosophy, ideals, norms, technocracy, democracy.

To cite:

Sannikova E.A., Vnutskikh A.Yu. [Artificial intelligence implementation in political activity: problem statement]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 2, pp. 222–234 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-222-234>. EDN: YIMBBL

Введение

27 марта 2026 года в Перми в рамках IV Всероссийской конференции с международным участием «Свет и тени цифровой реальности: живой интеллект и его аватары» состоялся круглый стол «Искусственный интеллект в государственном управлении: актуальные практики, возможности и вызовы». Участие в нем приняли ученые, представители ИТ-компаний и

эксперты в области госуправления. Организаторы круглого стола отметили, что внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в государственное и муниципальное управление сегодня становится не просто технологическим трендом, а стратегическим фактором повышения эффективности принятия решений, оптимизации административных процессов и качества взаимодействия власти с обществом. Мировой опыт и российские инициативы

демонстрируют переход к управлению, основанному на данных, что требует осмысления как с точки зрения практической пользы, так и с позиции социальных, этических и правовых последствий. Вместе с тем участники круглого стола подчеркивали глубоко противоречивый характер развития цифровой политики как в России, так и в мире. Проведенный круглый стол стал для нас важной вехой в осмыслении использования ИИ-инструментов в управлении регионом.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы раскрыть характер противоречия между идеалами и нормами внедрения ИИ в политическую деятельность, обосновывая необходимость разработки «человекомерной» модели цифровой политики, способной преодолеть ограничения существующих подходов к ее реализации.

Изучение социальных норм и социального идеала — традиционная проблематика социальной и политической философии, изучению которой посвящено большое количество научных трудов. В отечественной традиции одним из наиболее системных подходов к данной проблематике является концепция К.Х. Момджяна, рассматривающего социальные нормы как институционализированные предписания, которые программируют и регулируют деятельность людей в рамках сложившегося общественного порядка, задавая образцы должного поведения и тем самым обеспечивая воспроизводство социальных связей. Социальный идеал, в свою очередь, представляет собой ценностно окрашенный образ желаемого — нормативную проекцию совершенного состояния общества, в котором коренные противоречия социальной действительности находят свое разрешение [Момджян К.Х., 2013]. Принципиальное различие между этими двумя понятиями состоит в их темпоральной направленности: норма обращена к настоящему, фиксируя то, «как должно быть» в границах существующего порядка, тогда как идеал устремлён в будущее, задавая ценностный горизонт, которого общество стремится достичь, но которого никогда не достигает в полной мере. Именно это порождает структурное противоречие: действующие нормы неизбежно отстают от

динамики идеала — они консервируют достигнутое, тогда как идеал требует выхода за его пределы. Данное противоречие, описанное ещё в классических работах по социальной философии [Дробницкий О.Г., 1974, с. 15–23], приобретает особую остроту в условиях технологических трансформаций, когда скорость практических изменений принципиально превышает темп нормативной адаптации.

Представляется необходимым определить цель статьи. Современное общество переживает качественный переход к цифровой организации социальной жизни, в которой политическая сфера занимает особое место. Политика — не просто сфера управления, а пространство реализации фундаментальных ценностей: свободы, равенства, справедливости, народного суверенитета. Именно поэтому любые технологические трансформации в этой сфере имеют неизбежно ценностное, нормативное измерение. Между тем внедрение ИИ в политику в большинстве случаев рассматривается преимущественно как технологический, а не социально-философский вызов. Это порождает характерный концептуальный разрыв: практика опережает теоретическую рефлексию.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

- систематизируются и критически анализируются основные теоретические подходы к осмыслению внедрения ИИ в политическую сферу;
- выявляются сущность и уровни проявления противоречия между идеалами и нормами внедрения ИИ;
- определяется, из какой парадигмы исходит реальная практика развития цифровой политики.

Проблема нашего исследования может быть определена следующим образом: несмотря на многообразие подходов, в современной литературе остаётся недостаточно исследованным процесс противоречивого взаимодействия между, с одной стороны, идеалами и декларируемыми целями внедрения ИИ в политику, а с другой — практикой и во многом стихийно формируемыми нормами такого внедрения. Большинство исследований либо фокусируются на критике технологического детерминизма, либо

ограничиваются анализом нормативных документов, не раскрывая механизмов трансформации идеалов в нормы и обратного влияния практики на идеалы. Важно отметить, что в академическом сообществе существует мнение, что процессы взаимодействия новейших технологий и общества цикличны. Например, А.В. Михайловский и Е.В. Середкина отмечают, что существует понимание ответственности ИИ, отличное от традиционной западной исследовательской практики в области ответственного развития. Это многополярная этика ответственности, где, с одной стороны, каждая цивилизация стремится сформулировать свой собственный способ легитимизации технологии и ее морального смысла, а с другой — даже в рамках отдельной цивилизации осмысление возможностей и рисков технологий технологий может развиваться циклическим образом [Mikhailovsky A.V., Seredkina E.V. 2025].

Основываясь на анализе существующих исследований, мы выдвигаем **гипотезу** о том, что внедрение ИИ в политическую деятельность представляет собой процесс, в котором определяющим моментом оказывается стихийное внедрение цифровых инструментов, а не сформированный в результате глубокой теоретической рефлексии идеал развития политической сферы в цифровую эпоху. Этот идеал остается во многом абстрактной декларацией, слабо влияющей на формирование норм внедрения ИИ в политическую жизнь. В результате нормы складываются в ходе практики цифровизации стихийно, носят не проактивный, а реактивный, “догоняющий” характер — и потому оказываются, главным образом, нормами технологическими. Политическая же философия должна изучать и, насколько возможно, формировать идеалы как опережающую и предопределяющую эмпирию политической деятельности.

Нормативный вакуум: разрыв между теоретической рефлексией и практикой внедрения ИИ в политику

Как известно, политическая философия в европейской традиции подразумевает в качестве базиса, основания эмпирические

исследования политического. В отечественной традиции политическая философия не только и не столько эмпирична, сколько нормативна [Худякова Н.; Внутских А.Ю., 2025, с. 560]. Нормативность — одна из определяющих черт политической философии: она является преимущественно нормативной дисциплиной, т.е. пытается установить норму (правила или идеалы), в соответствии с которыми должна быть организована политическая жизнь [Алексеева Т.А., 2003, с. 119–157]. В рамках данной статьи авторы опираются на отечественную традицию.

Изучением общества как целостности, включающей ряд подсистем, в том числе политическую, выполняющую регулятивную, управленческую, коммуникативную функции, а также функцию социализации, занимается социальная и политическая философия. Политическая философия, в отличие от политологии как частной науки, изучает не только то, что есть в политической сфере, но и то, что *должно быть* [Алексеева Т.А., 2003, с. 129]. Политическая реальность для нее — не только объект описания, но и повод для постановки общих проблем, связанных с универсальным политическим бытием, его прошлым, настоящим и желательным будущим [Гуторов В.А., 2002, с. 18]. Политическая философия исследует сущность политических объектов, выполняя деонтологические функции по определению идеальных и универсальных начал политики. Здесь важно уточнить само понятие «политика». Одним из первых политологов XX в., кто поставил этот вопрос, является М. Дюверже. Именно его трехчастная схема (политика как борьба за контроль; как интеграция на основе порядка и справедливости; как сфера деятельности, регулируемая этическими принципами) напрямую демонстрирует, почему политика не может быть изучена только эмпирически: второй и третий смыслы включают вопросы должного, справедливости и ценностных оснований. Это обосновывает нормативный характер политической философии [Дюверже М., 1997, с. 6].

Актуальным для современной политической философии является вопрос о сущности алгоритмизации политической жизни и ее

желательной форме. В настоящее время одним из существенных векторов формирования будущего политической сферы является применение в ней ИИ. В качестве характерных примеров, иллюстрирующих как национальный, так и региональный уровни применения ИИ в политической сфере, можно привести следующие.

На уровне государственного управления Россия создала более 500 региональных ИТ-систем с элементами ИИ, а федеральный проект «Искусственный интеллект» получил финансирование в десятки миллиардов рублей. В 2024 году на портале «Госуслуг» запущен ИИ-ассистент «Макс», отвечающий на вопросы граждан о льготах, пенсиях и штрафах и др. Татарстан запустил программу развития ИИ в государственных органах, основанной на принципах прозрачности и обезличивания персональных данных. Вместе с тем, по данным TAdviser, реально используют ИИ лишь около 2% организаций в сфере государственного управления и социального обеспечения, а эффективность внедрённых систем нередко оказывается ниже задекларированной [Искусственный интеллект в государственном управлении, 2024].

На уровне избирательных кампаний показателен опыт мэских выборов в Нью-Йорке (начиная с 2023 года), когда действующий мэр Эрик Адамс применял ИИ для автоматизированного обзвона граждан, причём виртуальный ассистент вёл коммуникацию на мандаринском, урду и идише — языках ключевых диаспор. В предвыборной агитации всё шире используется генерация ИИ-видеоконтента, в том числе дипфейков. Перед выборами в Бангладеш (2024) в публичном пространстве были распространены сгенерированные нейросетями видеозаписи, компрометирующие оппозиционных женщин-политиков. В Гане в тот же период сеть из не менее чем 171 фиктивного аккаунта применяла алгоритмы ИИ для массовой генерации и распространения политического спама. Всё это указывает на то, что ИИ уже сейчас стал инструментом не только просвещения и рационализации публичного дискурса, но и его манипулятивного искажения.

Показательно, что сколько-нибудь серьёзного распространения на

наднациональном уровне применение ИИ в политической сфере пока не получило — по-видимому, по причине очевидных противоречий национальных интересов даже в пределах межгосударственных союзов и связанных с этим проблем информационной безопасности, которые в настоящее время решаются исключительно на национальном уровне. Уже это указывает на существенные деформации и ограничения в функционировании ИИ в политической сфере в наши дни: применение ИИ могло бы способствовать интеграции человечества, но в современных экономических и политических условиях он, скорее, способствует фрагментации политического и его концентрации исключительно на национальном и организационном уровнях.

Но и на национальном уровне остается слабо изученным вопрос о теоретических основаниях для суждения о практике внедрения инструментов ИИ в политическую деятельность с точки зрения соответствия или несоответствия самой этой практики, ее целеполагания и формирующихся норм внедрения.

Эмпирически мы наблюдаем ситуацию, когда технологии (системы анализа больших данных, чат-боты, алгоритмы таргетированной рекламы) активно внедряются в политическое поле, на порядок опережая рефлексию их этических и социальных последствий. Это создает «нормативный вакуум», поскольку проблема внедрения ИИ в политическую деятельность до сих пор исследуется теоретиками с достаточно общих, абстрактных позиций, которые оказываются слабо применимыми на практике. К числу таких теоретических подходов можно отнести подходы, описанные ниже.

Существующие теоретические подходы к осмыслению внедрения ИИ в политическую деятельность

Технократическое направление, уходящее корнями в концепции «информационного общества» (Э. Тоффлер, Д. Белл), рассматривает ИИ как ключевой ресурс для создания «когнитивного государства», где управление основано на data-driven решениях. В рамках этого подхода доминируют утопические ожидания возможности построения идеальной политической системы

через алгоритмизацию принятия решений. Идея утопии, связанная с технологическими изменениями и алгоритмизацией общественной жизни, имеет долгую историю. Почему же мы можем считать эту идею утопической? Прежде всего, в силу практической неосуществимости: она игнорирует конститутивную роль конфликта, неопределенности и различий в интерпретации в политике. Налицо также очевидный редукционизм: человек рассматривается здесь лишь как предсказуемая и управляемая функция, а не как субъект свободы и творчества — в том числе в политической сфере. Высказываются обоснованные опасения, что ИИ будет способствовать концентрации чрезмерной власти в руках политических лидеров или партий [Summerfield et al., 2025].

Как справедливо отмечает Ю. Хабермас, технологический детерминизм неизбежно ведет к «колонизации жизненного мира» инструментальным разумом, что особенно опасно в политической сфере [Хабермас Ю., 2008]. Внедрение ИИ в политику по технократической модели может привести к системной деградации публичной сферы, когда административные и технические решения заменят собой публичные дискуссии о ценностях, нормах и целях общества. Политика перестанет быть ареной коммуникативного действия и превратится в разновидность социальной инженерии, где граждане — объекты управления, а не субъекты воли.

Красноречивым современным примером, иллюстрирующим эту опасность, служит конфликт между компанией Anthropic (разработчик модели Claude) и Министерством обороны США (Пентагоном), разгоревшийся в 2025–2026 годах. Компания Anthropic в июле 2025 года заключила с Пентагоном контракт стоимостью до 200 миллионов долларов, став первым разработчиком ИИ, чья модель была развернута в секретных сетях военного ведомства. Модель Claude применялась для аналитики разведывательных данных, операционного планирования, киберопераций и моделирования. Однако уже в феврале 2026 года отношения переросли в открытый конфликт: Пентагон потребовал от Anthropic снять ограничения на использование Claude для

полностью автономных систем вооружений и массовой слежки за гражданами. Компания отказалась выполнять эти требования, настаивая на том, что «не может по совести» санкционировать подобное применение своих технологий. В ответ министр обороны Пит Хегсет присвоил Anthropic статус «угрозы цепочке поставок национальной безопасности», президент Трамп потребовал от всех федеральных ведомств немедленно прекратить использование Claude [Barnes J.E., Frenkel S., 2026]. Этот конфликт наглядно демонстрирует, как технократическая логика — «ИИ должен быть применим для любых законных целей» — вступает в прямое противоречие с нормативными ограничениями, которые разработчики встраивают в свои системы из этических соображений. По существу, речь шла о вопросе: кто обладает правом определять допустимые пределы применения ИИ в политической сфере — избираемые государственные чиновники или технологические компании, а может быть, гражданское общество? Приходится признать, что этот вопрос до сих пор не имеет однозначного ответа.

Социально-критическое направление, представители которого, развивая идеи М. Фуко о «биовласти» и Ж. Бодрийера о «симулякрах», анализируют алгоритмы как инструменты создания новых форм социального контроля и политической субъектности. Современные исследователи показывают, как ИИ конструирует «реальность второго порядка», где политические решения принимаются на основе алгоритмически сконструированных моделей общественного мнения [Amoore L., 2023, p. 20]. М. Кокельберг допускает, что современные алгоритмы и самообучающиеся нейронные сети могут приводить к дефициту демократии, а правительства и крупные корпорации будут и дальше использовать технократический короткий путь [Кокельберг М., 2024, с. 28].

С другой стороны, тренд на рационализацию общественной жизни глубоко фундаментализирован развитием индустриального общества, что было замечено еще М. Вебером в начале XX в. ИИ не мог не появиться и не мог не проникнуть в политическую сферу — это объективный процесс. Однако важно, чтобы в результате

такого развития человек не попал в «стальной панцирь» [Вебер М., 2025, с. 219], в котором внешний контроль со стороны ИИ будет не просто эффективным — он будет совершенным. Тогда пространство для свободной политической воли окажется окончательно элиминированным.

В этом контексте важно отметить, что применение ИИ в политике несет в себе специфические риски в сравнении с другими сферами. Если алгоритм принимает ошибочные решения в логистике или медицине, это наносит ущерб конкретным людям, организациям и, в принципе, может быть исправлен. Если же алгоритм формирует политические предпочтения граждан, создает «информационные пузыри», конструирует искусственные образы политических акторов, он влияет на саму основу демократии — автономное политическое суждение гражданина. Впрочем, как указывает К. Келли, развитие технологий подчиняется своеобразным «законам неизбежности», и задача состоит не в том, чтобы остановить этот процесс, а в том, чтобы направить его в желательном для человека русле [Келли К., 2017].

Нормативно-этическое направление акцентирует внимание на разработке принципов «ответственного ИИ». Положительный эффект инновационного развития в формате «ответственных исследований и инноваций» для общества отмечают А. Грунвальд [Грунвальд А., 2008, с. 54], а в российском контексте — Е.В. Середкина [Середкина Е.В., 2016, с. 128]. Однако вопрос об ответственности за неожиданный ущерб от внедрения новейших технологий до сих пор слабо проработан. На практическом уровне он решается в рамках деятельности страховых компаний. Но масштабы соответствующего ущерба, например, в случае неадекватного применения ИИ в политической сфере, могут быть настолько велики, что материальная компенсация окажется просто невозможной.

Как показывают В.В. Леушина и В.Э. Карпов на основании анализа международных стандартов (IEEE, ISO), большинство принятых этических кодексов формулируют единые «абстрактные»

принципы, чьему внедрению мешают «пустота» и конъюнктурность отдельных положений [Леушина В.В., Карпов В.Э., 2022, с. 133]. При этом, как отмечает С. Теркл, этические кодексы часто остаются декларациями, не влияя на реальную практику [Turkle S., 2017]. Разрыв между «верхним» уровнем нормативных деклараций и «нижним» уровнем реальной эксплуатации систем ИИ — одна из наиболее острых проблем нормативного регулирования в данной сфере.

Отечественные исследования также демонстрируют растущий интерес к проблеме алгоритмизации политики. Специфика российского подхода проявляется в обоснованном акцентировании тезиса о необходимости «цифрового суверенитета» и национальных моделей регулирования, однако это также чревато новыми противоречиями между глобальными идеалами и локальными нормами.

Три уровня противоречия между идеалами и нормами внедрения ИИ в политику

Противоречие между абстрактными идеалами и стихийно формирующимися «технизированными» нормами внедрения ИИ имеет системный характер и проявляется на трех уровнях: онтологическом, гносеологическом и аксиологическом. Рассмотрим каждый из них подробнее.

На онтологическом уровне противоречие выражается в неопределенности самого статуса ИИ в политике: является ли он инструментом или субъектом политического действия? Технократическая установка настаивает на инструментальной природе ИИ — он лишь средство повышения эффективности управления, не более. Однако практика применения систем ИИ в политике все более явно обнаруживает их субъектные характеристики. В ситуациях, когда рейтинги политических новостей и обзоров на интернет-площадках определяются алгоритмически и тем самым формируют повестку дня, когда ИИ-инструменты на основе предиктивной аналитики разрабатывают сценарии реагирования на общественно острые проблемы — ИИ уже не является сугубо технологическим инструментом. Он становится полноценным участником разработки и принятия политических решений, что приводит

к следующему онтологическому противоречию. Вся ответственность за предложенные ИИ решения лежит на человеке или же он обнаруживает черты субъектности? Каким образом распределяется ответственность в таком случае?

Описанный выше конфликт Anthropic и Пентагона является иллюстрацией именно этого онтологического противоречия: спор шел о том, кто является субъектом решения о применении ИИ в боевых операциях — человек-оператор, алгоритм или компания-разработчик. Пентагон исходил из инструментальной логики («ИИ — лишь средство, используемое военными в соответствии с их усмотрением»), тогда как Anthropic настаивала на том, что разработчик несет нормативную ответственность за то, к каким целям применяется созданный им субъект-инструмент.

На гносеологическом уровне противоречие проявляется как несовместимость логики алгоритма и человеческой рациональности. ИИ функционирует как «идеальный аппроксиматор»: он оперирует статистическими паттернами, оптимизирует по заданным параметрам, минимизирует ошибку в рамках определенной функции потерь. Человеческая рациональность устроена иначе: она связана с эмоциями и волей, вписана в ценностный контекст, способна к интенциональному переосмыслению целей. Политика — это не только расчет оптимальных решений, но и борьба интерпретаций, согласование ценностей, формирование смыслов. Проблема возникает тогда, когда алгоритмические рекомендации начинают подменять политическое суждение: data-driven решения создают иллюзию объективности, скрывая за слоем статистики нормативный выбор, который уже был сделан на этапе разработки алгоритма — при выборе параметров оптимизации, обучающих данных, критериев оценки.

Именно это гносеологическое противоречие лежит в основе феномена «алгоритмической предвзятости» в политическом контексте. Системы предиктивной аналитики, обученные на исторических данных, воспроизводят и усиливают существующее неравенство; алгоритмы таргетирования политической

рекламы «находят» тех граждан, которые уже предрасположены к нужной позиции, тем самым не формируя, а лишь поляризуя общественное мнение. В результате «объективная» аналитика ИИ оказывается встроена в существующие ограниченные политические практики, противоречащие идеалам информированного гражданского выбора.

На аксиологическом уровне противоречие выражается в столкновении ценностей эффективности и демократической легитимности. Технократическая модель внедрения ИИ максимизирует эффективность: скорость принятия решений, охват данных, точность прогнозов. Демократическая легитимность требует иного: публичного обсуждения, прозрачности обоснований, возможности оспорить решение, подотчетности перед гражданами. Эти два императива находятся в структурном напряжении. Эффективные алгоритмические решения нередко непрозрачны («черный ящик»), трудно оспариваемы и принимаются с такой скоростью, которая делает полноценное публичное обсуждение нереалистичным.

Это аксиологическое противоречие воспроизводится во всех приведенных примерах: и в российских случаях применения ИИ для анализа обращений граждан, и в западных практиках алгоритмической предвыборной агитации, и в военных применениях ИИ. Во всех случаях логика эффективности систематически вытесняет логику легитимности, а технологические нормы формируются быстрее, чем успевают складываться соответствующие политические и правовые механизмы контроля. Методология исследования внедрения ИИ в политику должна быть диалектической: с одной стороны, — с видением противоречий, с одной стороны, как источника развития, а с другой — как риска катастрофы, если эти противоречия приобретут антагонистический характер. Необходимо также учитывать, что само формирование норм внедрения ИИ является социокультурным процессом, сопряженным с мировоззренческими установками общества и государства.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько ключевых направлений, перспективных для дальнейших исследований.

Во-первых, анализ новых форм политической субъективности. Технологии ИИ не просто автоматизируют существующие политические практики, но конституируют новые типы политических акторов и меняют природу политического участия [Amoore L., 2023, p. 20]. Алгоритм, формирующий «персональную политическую реальность» для каждого пользователя через фильтрацию новостного потока, — это уже не нейтральный посредник, а полноправный агент политической социализации. Исследование того, как именно происходит эта конституция субъективности и каковы ее политические последствия, является насущной задачей социальной философии.

Во-вторых, разработка критериев легитимности алгоритмических систем в политике. Принятие нормативной базы для оценки соответствия ИИ-решений демократическим ценностям требует прежде всего прояснения самих этих ценностей в контексте цифровой среды. Что означает «прозрачность» алгоритма для широкой общественности, не обладающей технической экспертизой? Как реализовать принцип «права на объяснение» применительно к сложным системам машинного обучения, функционирование которых не поддается интерпретации даже их создателями? Эти вопросы находятся на пересечении политической философии, философии права и философии технологии и требуют междисциплинарных исследовательских усилий.

В-третьих, сохраняется необходимость исследований «гибридного интеллекта» в политической сфере общества, т.е. такой модели совместной деятельности естественного и искусственного интеллекта. При этом важнейшим условием функционирования такой системы является верховенство именно человеческого участия над алгоритмами. Для этого следует тщательно разграничить сферы политической жизни, в которых ИИ может принимать самостоятельные решения, и те, где участие и проверка человека является императивом для соблюдения прав и свобод.

Также важно отметить, что одними из направлений изучения данного вопроса является сравнительный анализ подходов к регулированию ИИ на международном уровне (European AI Act ЕС, Национальная стратегия развития ИИ в РФ до 2030 года, подходы США и Китая) и регионального опыта использования ИИ в управлении субъектами РФ [Васильев Д.П., 2023, с. 86]. С помощью подобных исследований можно будет выявить «общее» и «частное» в применении инструментов ИИ в политической деятельности, которые проиллюстрируют ценностные различия между обществами.

Проведенный анализ современного состояния исследований показывает, что проблема сущности и соотношения идеалов и норм внедрения ИИ в политическую деятельность остается недостаточно разработанной в социально-философской литературе, особенно отечественной. Существующие подходы либо принимают абстрактный характер идеалов и спонтанную «технизацию» норм такого внедрения как неизбежную данность, либо ограничиваются ее критикой, не предлагая содержательных альтернатив в условиях продолжения цифровизации как объективного процесса.

Противоречивый характер взаимодействия идеалов и норм открывает новые перспективы для исследований. Принципиально важно, что ее принятие не предполагает ни апологии цифровизации, ни луддитского отрицания технологического прогресса. Задача состоит в том, чтобы найти формы и институты, способные обеспечить диалектическое единство технологической рациональности и политического гуманизма. А это невозможно вне дискурса социальной и политической философии.

Заключение

Подведем итоги.

Внедрение ИИ в политическую сферу является объективным и необратимым процессом, обусловленным логикой развития технологий и потребностями современного государственного управления. Вместе с тем этот процесс не является ни нейтральным, ни автоматически благотворным: он несет в себе структурные противоречия, игнорировать

которые — значит оставить их разрешение на откуп стихийному развитию практики, а не сознательной теоретической и общественной рефлексии.

В этой связи представляется необходимым отметить несостоятельность позиции, согласно которой искусственный интеллект является лишь временным технологическим увлечением, значение которого в ближайшем будущем существенно снизится. Подобная точка зрения, иногда встречающаяся как в публичном дискурсе, так и в отдельных экспертных оценках, не находит подтверждения ни в логике развития технологий, ни в данных о масштабах их интеграции в социальные и политические процессы. Проникновение ИИ в политическую сферу подчиняется устойчивым закономерностям цифровой трансформации общества и не может быть сведено к кратковременному модному тренду. В наши дни в РФ функционирует более 500 ИТ-сервисов с элементами искусственного интеллекта [Искусственный интеллект в государственном управлении, 2024]. Финансирование на федеральном уровне превышает миллиарды рублей. Можно сделать вывод об инфраструктурном, а не конъюнктурном изменении в обществе. На международном уровне принятие Европейским Союзом AI Act – первого в мире комплексного регулирующего акта в области ИИ – однозначно указывает на то, что мировое сообщество рассматривает ИИ как долгосрочный фактор трансформации, требующий системного нормативного ответа, а не как эфемерное явление. Недооценка масштабов и устойчивости этого процесса грозит не только теоретической неадекватностью, но и практическим проигрышем: общества, игнорирующие необходимость философского и нормативного осмысления ИИ, рискуют оказаться объектами, а не субъектами цифровой трансформации своих политических институтов.

Также проведенный анализ основных исследовательских направлений (технократического, социально-критического и нормативно-этического) продемонстрировал, что каждое из них рассматривает отдельные аспекты проблемы. Однако целостного социально-философского осмысления на

данный момент не существует. Каждое из направлений имеет ограничения. Технократическое направление не учитывает ценностное измерение политики. Социально-критическое зачастую застревает в диагностике, при этом не предлагая конструктивных ориентиров. Нормативно-этическое направление сталкивается с противоречием между декларируемыми принципами и реально сложившейся практикой.

Таким образом, разногласие между идеалами и нормами внедрения ИИ в политическую сферу общества имеет системный характер и отображается на трех уровнях: онтологическом (ИИ как технология, инструмент против субъекта политического действия), гносеологическом (инструментальная рациональность против человеческого политического суждения), аксиологическом (технологическая эффективность против демократической легитимности). Данные противоречия не позволяют ограничить круг принимаемых решений только технологическими либо только правовыми. Проблема требует всесторонней социально-философской рефлексии.

Также важно отметить, что реальная практика применения ИИ в политике (от локальных случаев использования сгенерированного видео, фото до конфликтов крупнейших компаний с правительствами государств) подтверждает тезис о том, что практическое использование технологий движется значительно быстрее формирования рефлексии ее этических и политических эффектов. В таком случае, именно прецедент становится источником для заполнения «нормативного вакуума». Отсутствие философской концептуализации и общественного дискурса зачастую могут привести к острым политическим конфликтам.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в разработке интегративной социально-философской концепции внедрения ИИ в политику, способной преодолеть ограничения существующих подходов. Ее ключевыми принципами должны стать: признание конститутивной роли нормативного и ценностного измерения в любой технологической практике; ориентация на

«человеческий контроль» алгоритмов и сохранение автономии личности в политическом процессе; диалектическое видение противоречий и как источника развития, и как риска деструкции при их антагонистическом обострении. Особый интерес представляет анализ условий возможности «гуманистического поворота» в цифровизации политики, когда технологии служат не замене человека, а реализации и развитию человеческого потенциала — как в сфере управления, так и в сфере политического участия граждан.

Список литературы

- Алексеева Т.А.* Что такое политическая философия. Статья первая // Полития. 2003. № 3. С. 119–157.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М. Левиной. Москва: АСТ, 2025. 352 с.
- Васильев Д.П.* Формирование международных режимов управления искусственным интеллектом: ключевые тенденции и основные акторы // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 8. С. 74–88. DOI: <https://doi.org/10.24158/perp.2023.8.9> EDN: ESMQKV
- Грунвальд А.* На пути к теории социальной оценки техники // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. 17, № 3. С. 35–56.
- Гуторов В.А.* Политическая философия в России: настоящее и будущее (заметки участника «круглого стола») // Вопросы философии. 2002. № 4. С. 17–20.
- Дробницкий О.Г.* Понятие морали: историко-критический очерк. М.: Наука, 1974. 388 с.
- Дюверже М.* Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2 / ред. Т.А. Алексеева. М.: Мысль, 1997. С. 644–661.
- Искусственный интеллект* в государственном управлении // Блог GigaChat (Sber Developers). 2024. URL: <https://developers.sber.ru/help/gigachat-api/ai-governance> (дата обращения: 15.03.2026). *Келли К.* Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее / пер. с англ. Ю. Константиновой, Т. Мамедовой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 352 с.
- Кокельберг М.* Искусственный интеллект (ИИ), общее благо и дефицит демократии в управлении ИИ // Технологос. 2024. № 4. С. 19–30. DOI: <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2024.4.02> EDN: VHGGIH
- Леушина В.В., Карпов В.Э.* Этика искусственного интеллекта в стандартах и рекомендациях // Философия и общество. 2022. № 3(104). С. 125–140 DOI: <https://doi.org/10.30884/jfio/2022.03.07> EDN: MNEGHO
- Момджян К.Х.* Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории: в 2 ч. Ч. 1. Москва: Издательство Московского университета, 2013. 400 с. – ISBN 978-5-211-06338-9 EDN: SSMSDP
- Середкина Е.В.* Ответственные исследования и инновации, социальная оценка техники и устойчивое развитие // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2016. № 2. С. 122–131. EDN: WCZGZT
- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем., под ред. Д.В. Складнева. 2-е изд., стер. Санкт-Петербург: Наука, 2006. 377 с. ISBN 5-02-026926-3 EDN: QWNVPR
- Худякова Н.Л., Внутских А.Ю.* Проблема цели и предмета социальной философии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 553–564. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-553-564> EDN: WQNKFA
- Amoore L.* Machine learning political orders // Review of International Studies. 2023. Vol. 49(1). P. 20–36. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0260210522000031> EDN: RNHXTT
- Mikhailovsky A.V., Seredkina E.V.* Political Philosophy of Technology and Responsible Innovation in a Multipolar World: The Russian and Chinese Cases of AI Ethics // Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]. 2025. Vol. 9(4). P. 13–46. DOI: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2025-4-13-46> EDN: ZLSPDM
- Barnes J.E., Frenkel S. Pentagon gives Anthropic an ultimatum to lift AI limits or lose \$200M contract // The New York Times. 2026. 23 February. URL:

<https://www.nytimes.com/2026/02/24/us/politics/pentagon-anthropic.html> (дата обращения: 15.03.2026).

Summerfield C., Argyle L.P., Bakker M.A., Collins T., Durmus E., Eloundou T., Gabriel I., Ganguli D., Hackenburg K., Hadfield G., Hewitt L., Huang S., Landemore H., Marchal N., Ovadya A., Procaccia A.D., Risse M., Schneier B., Seger E., ... Summerfield C. The impact of advanced AI systems on democracy // *Nature Human Behaviour*. 2025. Vol. 9. P. 2420–2430. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41562-025-02309-z> EDN: TFAHLL

Turkle S. Alone Together. Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. NY: Basic Books, 2017. 384 p.

References

Alekseeva, T.A. (2003). [What is political philosophy. Article one]. *Politiya* [Politeia]. No. 3, pp. 119–157.

Amoore, L. (2023). Machine learning political orders. *Review of International Studies*. Vol. 49(1), pp. 20–36. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0260210522000031>

[Artificial intelligence in public administration] (2024). *Blog GigaChat (Sber Developers)*. Available at: <https://developers.sber.ru/help/gigachat-api/ai-governance> (accessed 15.03.2026).

Barnes, J.E. and Frenkel, S. (2026). Pentagon gives Anthropic an ultimatum to lift AI limits or lose \$200M contract. *The New York Times*. Feb. 23. Available at: <https://www.nytimes.com/2026/02/24/us/politics/pentagon-anthropic.html> (accessed 15.03.2026).

Coeckelbergh, M. (2024). [Artificial intelligence, the common good, and the democratic deficit in AI governance]. *Technologos*. No. 4, pp. 19–30. DOI: <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2024.4.02>

Drobnitskiy, O.G. (1974). *Ponyatie morali: istoriko-kriticheskiy ocherk* [The concept of morality: a historical-critical essay]. Moscow: Nauka Publ., 388 p.

Duverger, M. (1997). [Political institutions and constitutional law]. *Antologiya mirovoy politicheskoy mysli, pod red. Alekseevoy T.A.* [Alekseeva T.A. (ed.) Anthology of world political thought]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 644–661.

Grunwald, A. (2008). [Towards a theory of social assessment of technology]. *Epistemologiya i filosofi-*

ya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 17, no. 3, pp. 35–56.

Gutorov, V.A. (2002). [Political philosophy in Russia: present and future (notes of a participant of the “round table”)]. *Voprosy filosofii*, (4), pp. 17–20.

Habermas, J. (2006). *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg: Nauka Publ., 377 p.

Kelly, K. (2017). *Neizbezhno. 12 tekhnologicheskikh trendov, kotorye opredelyayut nashe buduschee* [The inevitable: understanding the 12 technological forces that will shape our future]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ., 352 p.

Khudyakova, N.L. and Vnutskikh, A.Yu. (2025). [The issue of the purpose and subject of social philosophy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 553–564. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-553-564>

Leushina, V.V. and Karpov, V.E. (2022). [Ethics of artificial intelligence in standards and recommendations]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. No. 3(104), pp. 125–140. DOI: <https://doi.org/10.30884/jfio/2022.03.07>

Mikhailovsky, A.V. and Seredkina, E.V. (2025). Political philosophy of technology and responsible innovation in a multipolar world: the Russian and Chinese cases of AI ethics. *Philosophy Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 9(4), pp. 13–46. DOI: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2025-4-13-46>

Momjyan, K.Kh. (2013). *Sotsial'naya filosofiya. Deyatel'nostnyy podkhod k analizu cheloveka, obshchestva, istorii: v 2-kh ch.* [Social philosophy. Activity approach to the analysis of man, society, history: in 2 parts]. Moscow: MSU Publ., part 1, 400 p.

Seredkina, E.V. (2016). [Responsible research and innovation, social assessment of technology and sustainable development]. *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences]. No. 2, pp. 122–131.

Summerfield, C., Argyle, L.P., Bakker, M. et al. (2025). The impact of advanced AI systems on democracy. *Nature Human Behaviour*. Vol. 9, pp. 2420–2430. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41562-025-02309-z>

Turkle, S. (2017). *Alone together: why we expect more from technology and less from each other*. New York: Basic Books Publ., 384 p.

Vasiliev, D.P. (2023). [Formation of international artificial intelligence governance regimes: key trends and main actors]. *Obschestvo: politika, ekonomika,*

pravo [Society: Politics, Economics, Law]. No. 8, pp. 74–88. DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2023.8.9>

Weber, M. (2025). *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The protestant ethic and the spirit of capitalism]. Moscow: AST Publ., 352 p.

Об авторах

Санникова Елена Андреевна

аспирант кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: sannikova.e.an@gmail.com
ResearcherID: OVZ-2837-2025

Внутских Александр Юрьевич

доктор философских наук, доцент

профессор кафедры философии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;

заведующий кафедрой философии и права,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;

e-mail: avnut@inbox.ru
ResearcherID: R-3075-2017

About the authors

Elena A. Sannikova

Postgraduate Student of the
Department of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: sannikova.e.an@gmail.com
ResearcherID: OVZ-2837-2025

Alexander Yu. Vnutskikh

Doctor of Philosophy, Docent

Professor of the Department of Philosophy,
Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;

Head of the Department of Philosophy and Law,
Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;

e-mail: avnut@inbox.ru
ResearcherID: R-3075-2017